

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Н.В. Жилиякова, В.В. Шевцов,
Е.В. Евдокимова

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ
ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1857–1916):
СТАНОВЛЕНИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ
И ФОРМИРОВАНИЕ
РЕГИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Учебное пособие

Издательство Томского университета
2015

Томского округа путей сообщения в течение 1912–1917 гг., и «**Статистико-экономические бюллетени**» – издание Томского переселенческого района (1915–1919).

Таким образом, официальная и ведомственная периодика Томска была представлена достаточно широко: в рамках этого типа изданий выходили газеты и журналы разной периодичности и разного масштаба. Некоторые из них, такие как «Томские губернские ведомости», «Томские епархиальные ведомости», «Известия Императорского Томского университета», оказали большое влияние на консолидацию литературных и научных сил Томска и всей губернии, способствовали формированию общественного мнения и регионального самосознания. Другие, менее долговечные и более специализированные, служили для информирования определенных читательских кругов, аккумулировали в себе необходимые сведения по определенным сферам деятельности и в этом качестве до сих пор востребованы как источники важной исторической информации.

Отличительной чертой многих официальных изданий было наличие в их структуре неофициального отдела (по аналогии и по примеру «Губернских ведомостей»). Однако ведение такого неофициального отдела требовало определенной квалификации, умения сплотить вокруг издания авторский коллектив, и потому в ряде изданий дело ограничивалось только информационным официальным отделом. Тем не менее официальные и ведомственные издания, в силу стабильности своего положения, служили основой, стержнем формирования системы периодики Томска и Томской губернии.

2.4. Частная периодика Томска конца XIX – начала XX в.: «Сибирская газета», «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь»

Первое частное издание Томска – «Сибирская газета»

Первые попытки основания частной газеты в Томске относятся к 1860-м гг., когда два жителя Томска обращались в Главное управление по делам печати с инициативой издания собственного органа печати (см.: РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 345, 346), и оба получили отказ. Абрам Осипович Хаимович, томский купец 2-й гильдии, планировал издать газету «Сибирский вестник», а Гаврил Алексеевич Калинин, отставной коллежской асессор, просил разрешение на выпуск газеты

«Сибиряк». Как первая, так и вторая попытки получить разрешение на издание частной газеты в Томске оказались безуспешными. В первом случае, несмотря на развернутую и вполне благонамеренную программу и на то, что печать газеты в Томской губернской типографии было достаточно выгодным делом для губернского правления, причиной отказа стали опасения, что в газете будут работать политические ссыльные: это соображение перевесило все преимущества, которые могло бы получить местное общество от основания частного органа печати. Во втором случае подозрительной и, видимо, политически неблагонадежной оказалась сама личность предполагаемого редактора-издателя, причем это обнаружилось уже тогда, когда Главным управлением по делам печати была утверждена программа издания¹.

В 1876 г. попытался стать издателем «Томского листка» П.И. Макушин, тогда еще студент духовной семинарии: ему было отказано по причине отсутствия в Томске цензора². В 1878 г. Макушину удалось получить разрешение на выпуск «Томского справочного листка», но по столь ограниченной программе, что не было выпущено ни одного номера, и разрешение было аннулировано³.

Наконец в июле 1880 г. было удовлетворено прошение Макушина об издании в Томске «Сибирской газеты». Макушин взял на себя обязанности издателя, редактором был объявлен преподаватель Томского реального училища А.И. Ефимов. В редакционный коллектив также вошли И.Г. Муромов – контролер Томского отделения Государственного банка, сибиряк по рождению и «ярый патриот своей родины»; А.М. Войцеховский – служащий Томской контрольной палаты, поляк, сосланный в Томск после польского восстания 1863 г.; приглашенный Войцеховским Е.В. Корш (попавший в Томск как ссыльный) и А.В. Адрианов. Как замечал В. Крутовский, «в отличие от иркутских газет среди сотрудников томского органа вначале почти не было политических ссыльных. Даже корреспондентами были по преимуществу представители коренной интеллигенции данного города или местечка»⁴.

¹ Подробнее см.: *Жилиякова Н.В.* Первые неосуществленные проекты частных газет города Томска (1860-е годы) // Информационное пространство Тюменской области: сборник научно-практических работ. Вып. 8. Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 2012. С. 18–27.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 6. 1876 г. Д. 78.

³ РГИА Ф. 776. Оп. 11. 1878 г. Д. 20.

⁴ *Крутовский В.* Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск, 1912. С. 289.

1 марта 1881 г. вышел в свет первый номер «Сибирской газеты». Как известно, в этот же день в Петербурге народниками было совершено покушение на российского самодержца Александра II, в результате которого он скончался. Это неожиданное совпадение, по словам П.И. Макушина, «навело местного жандармского полковника Александрова <...> на мысль произвести секретное расследование, не было ли в редакции уговора озаглавить царевубийство выпуском первого номера "Сибирской газеты"»¹. И хотя подозрения его не подтвердились, «Сибирская газета» с самого начала оказалась «неблагонадежной» в глазах властей.

В связи с событиями первого марта многие страницы следующих номеров «Сибирской газеты» были заполнены перепечатками из столичных газет – рассказами очевидцев о покушении на императора, официальными материалами, отчетами о суде над участниками покушения и так далее.

Одной из самых животрепещущих проблем для нового органа печати был вопрос о цензуре: «Сибирская газета», как провинциальное издание, должна была проходить процедуру предварительного досмотра. Цензоры газеты менялись довольно часто, но серьезный конфликт возник только в первый год издания, когда вместо губернатора В.И. Мерцалова обязанности цензора временно исполнял его заместитель, управляющий казенной палатой, действительный статский советник М.А. Гиляров. Редакция, получив гранки с его правкой, решила выпустить номер с пробелами на месте вычеркнутых цензором статей, известий и отдельных выражений. Гиляров увидел белые страницы и отказал в выдаче билета на выпуск газеты в свет. Редакция телеграфировала министру внутренних дел, а по получении ответа Главного управления по делам печати расклеила его по всем улицам Томска: из ответа явствовало, что «пробелы, составляя косвенный протест против цензуры, не допускаются».

Кроме того, «Сибирская газета» послала жалобу министру внутренних дел с приложением подлинных корректур Гилярова и разослала сообщение об инциденте в столичные издания: «Голос», «Порядок», «Московский Телеграф» и другие. Гиляров не остался в долгу – он отправил в Омск западносибирскому генерал-губернатору донесение о вредности газеты, издающейся людьми, «не имеющими корней в томском обществе, и не оправдывающей на-

¹ *Макушин П.И.* Газетно-издательская деятельность во время царизма // Северная Азия. 1928. № 2. С. 91.

дежд лучших граждан города». Таким образом, № 11 за 1881 г. не вышел вообще. В № 12 редакция «Сибирской газеты» напечатала сообщение о причинах невыхода предыдущего номера и объяснение Гилярова – «для восстановления факта в точной его полноте». В целом победа осталась за «Сибирской газетой»: она не была закрыта, приостановлена или «предупреждена». В дальнейшем подобных историй не случалось, хотя о тяжести цензурного гнета существуют противоречивые мнения современников.

Можно сказать, что 1881 г. стал для издания «пробным камнем». «Сибирская газета» за это время наметила темы, которые разрабатывались ею в дальнейшем: сибирский университет и народное образование, положение провинциальной печати, ссылка, необходимость законодательных преобразований в Сибири, городское хозяйство, инородческий вопрос, сибирская история, золотопромышленность, внутренние пути сообщения, вопросы экономики Сибири, крестьянский вопрос и так далее¹. Публиковались в газете и немногочисленные пока беллетристические произведения и мемуары². Большое место на страницах газеты в 1881 г. занимали путевые очерки³, важное значение имела рубрика «Томский театр». «Сибирская газета» уделяла внимание проблемам изобразительного искусства, ведя на своих страницах хронику художественной жизни Томска, отмечая наиболее интересные события в области изобразительного искусства в России и за границей⁴. Музыкальная жизнь Томска также находи-

¹ *Учительские съезды* // Сибирская газета. 1881. № 6; По поводу циркуляра барона Николаи // Там же. № 15, 16; *Провинциальная печать* // Там же. № 2; *По поводу* Высочайше утвержденной комиссии для пересмотра законов о печати // Там же. №1; *Ссылка в Сибирь* // Там же. № 3; *Голос с острова Сахалин* // Там же. № 22; *Каторжные работы на Каре* // Там же. № 24; *Ближайшие нужды Сибири* // Там же. № 47; *Иностранцы* Нарымского края // Там же. № 21, 22; *Иностранцы* Тобольской губернии // Там же. № 26; *Тобольская губерния* накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири // Там же. № 15–18; *Костров Н.* Народные предания татар о Кучуме и Ермаке // Там же. № 2; *Налог* на золотопромышленность // Там же. № 23; *Соединение* Оби с Енисеем // Там же. № 24; *Павлодарский уезд* Семипалатинской области (экономический очерк) // Там же. № 32, 36; *Алтайские заводы* // Там же. № 37–39; *Земство в Сибири* // Там же. 1881. № 34.

² *П.Б.* Томская гимназия в пятидесятых годах (очерки) // Сибирская газета. 1881. № 3,6,7,14; *Литвин П.* Река (стихотворение) // Там же. № 7; *Безруких Ф.* Мое желание (стихотворение) // Там же. № 36; *Игнатий Никитич* (сибирский тип) // Там же. № 22.

³ *От Томска* до Кузнецка (дорожные заметки) // Сибирская газета. 1881. № 18; *От Томска* до Кузедеевского аила (дорожные заметки) // Там же. № 19; *От Кузнецка* до Тогила (дорожные заметки) // Там же. № 20; *Узюлок* Алтая (из путевых заметок) // Там же. № 28, 31, 41, 43; *Адрианов А.* Путешествие на Алтай и за Саяны // Там же. № 38, 39, 42, 43.

⁴ Подробнее об этом см.: *Жулякова Н.В.* Хроника художественной жизни Томска на страницах «Сибирской газеты» // Художественная жизнь Сибири начала XX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 5–16.

лась в круге особых забот «Сибирской газеты», которая помещала отчеты о проходящих заседаниях Томского отделения Русского музыкального общества, давала оценку состоявшимся концертам с точки зрения качества исполнения, подбора репертуара. С самого первого номера в структуру издания вошел раздел «Литературное обозрение», автором которого в 1881 г. был Е.В. Корш.

В последнем номере за 1881 г. «Сибирская газета» подвела итоги подписки на издание: газета «располагала 1165 подписчиками». В Томске газету выписывало 311 человек, около 40 экземпляров раскупалось в розницу; в других городах и селах Томской губернии было 569 подписчиков. Приводились также сведения о подписке в сибирских округах и областях, в Европейской России, отмечались пять заграничных подписчиков¹.

Второй год издания, 1882-й, оказался переломным в жизни «Сибирской газеты» по многим причинам. Прежде всего серьезные перемены произошли в составе редакции газеты. Впервые, главным идеологом «Сибирской газеты» стал Александр Васильевич Адрианов, с 1882 г. редактор, с 1883 по 1887 г. – редактор-издатель «Сибирской газеты». Выпускник естественно-исторического отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, он в студенчестве посещал собрания сибиряков на квартире Ядринцева, сибирского патриота и общественного деятеля; на этих вечерах бывали также Потанин и Наумов. Близкое знакомство с духовными лидерами областничества определило общественную позицию Адрианова и навсегда сделало его приверженцем «местного патриотизма». Весной 1879 г., окончив университет, Адрианов отправился вместе с Потаниным и его женой, Александрой Викторовной, в экспедицию по Монголии.

Возвратившись из экспедиции, он публикует в иркутской газете «Сибирь» свои путевые впечатления, посылает ряд статей в петербургские издания. Адрианов считал журналистику одним из действенных способов служения на благо родного края.

Роль Адрианова в «Сибирской газете» трудно переоценить. Его влияние на политику издания было очень велико. Вокруг Адрианова группировались сотрудники-сибиряки, приверженцы местного патриотизма. А его многочисленные связи с местной интеллигенцией и лидерами областничества – Потаниным и Ядринцевым, – сделали его очень влиятельной фигурой в Сибири.

¹ См.: *Сибирская газета*. 1881. № 43.

Во-вторых, из состава редакции вышел Е.В. Корш, и, оставшись без литературного обозревателя, «Сибирская газета» обратилась за помощью к прибывшему в Томск ссыльному народнику, поэту Ф.В. Волховскому. С этого времени редакция стала «центром притяжения» для многочисленных политических ссыльных, рассеянных по Сибири: со многими Волховский был знаком лично, и это помогло ему привлечь к сотрудничеству в «Сибирской газете» серьезные литературные силы. Так, например, в Тюкалинске, где он отбывал ссылку, Волховский познакомился с Григорием Александровичем Мачтетом (1852–1901), который затем посылал в «Сибирскую газету» литературно-критические материалы. Личным знакомым Волховского был и народнический поэт Сергей Силыч Синегуб (1851–1907), участник кружка «чайковцев»: в 1881–1896 гг. Синегуб жил на поселении в Чите, откуда присылал в «Сибирскую газету» стихотворения, очерки, рассказы. В 1883 г. в состав редакции вошел ссыльный народник С.Л. Чудновский.

Как отмечал Л.Л. Ермолинский, «едва ли какая-нибудь провинциальная газета 80-х годов могла соперничать с томской в подборе сотрудников»¹. В газете участвовали политические ссыльные, общественные деятели, публицисты, русские писатели и поэты – Ф.В. Волховский, Д.А. Клеменц, Г.Ф. Зданович, С.Л. Чудновский, А.И. Иванчин-Писарев, П.А. Голубев, Г.А. Мачтет, И.И. Сведенцев, Н.Е. Каронин-Петропавловский, К.М. Станюкович, М.Н. Загибалов, С.П. Швецов, П.Ф. Николаев, С.А. Жебунев, Л.Э. Шишко, И.И. Попов, Г. Беломез, И.С. Джабадари, С.Н. Кривенко, Н.И. Наумов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, В.Г. Короленко, С.С. Синегуб, Г.И. Успенский, А.А. Кропоткин (старший брат П.А. Кропоткина). Кроме того, с газетой сотрудничали многочисленные представители местной интеллигенции – педагог и общественный деятель К.В. Штильке, врачи В.М. Крутовский и А.И. Макушин (брат основателя «Сибирской газеты» П.И. Макушина), учитель И.А. Курский, основатель крупнейшего в Сибири Минусинского краеведческого музея Н.М. Мартьянов, библиотекарь Н.В. Скоряков, идеологи сибирского областничества Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев; а также С. Шкулев, П.М. Головачев, Д.А. Кузнецов, Ф. Филимонов, Н.И. Долгополов, Н.А. Виташевский, Н.Л. Геккер, Б.П. Шостакович, П.А. Буткеев, М.А. Гиляров и многие другие.

¹ Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты 70–80-х годов XIX века. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. С. 25.

Газета располагала широчайшей корреспондентской сетью, обеспечивавшей ее информацией из самых отдаленных уголков не только Западной и Восточной Сибири, но и Средней Азии, Дальнего Востока. Кроме того, «Сибирская газета» поддерживала связь с иркутской газетой «Сибирь» и газетой «Восточное обозрение», издававшейся в Санкт-Петербурге Н.М. Ядринцевым. Не случайно В.М. Крутовский писал: «Благодаря идейной близости редакций трех упомянутых газет возникла возможность более широкого оглашения уродливых фактов сибирской действительности: если какая-либо статья или корреспонденция не могли быть напечатаны по местным цензурным условиям, например, в Иркутске, ее помещали в Томске, Петербурге, и наоборот»¹.

Участие в «Сибирской газете» Ф.В. Волховского сыграло огромную роль в ее развитии, недаром исследователи называют его «негласным редактором» газеты². Но хочется все же отметить, что «Сибирская газета», как никакой другой орган печати из существовавших в то время в Сибири, была изданием коллегиальным. Если политику «Восточного обозрения» определял во многом ее издатель Ядринцев, а «Сибири» – Вагин и Загоскин, то позиция «Сибирской газеты» была намного сложнее и интереснее. Во многом это связано с постоянным «движением» сотрудников в редакции «Сибирской газеты». Исследователь Л.Л. Ермолинский замечает: «Если редакционный состав "Сибири" оставался стабильным, то редколлегия "Сибирской газеты", напротив, претерпевает перемены настолько существенные, что в последние годы издания мы не находим в ее составе почти никого из первых сотрудников»³.

С приходом в редакцию Волховского, видного деятеля народнического движения, идеология «Сибирской газеты» претерпела существенные изменения. В рамках одного издания с этого времени стали работать сотрудники-сибиряки, приверженцы «местного патриотизма», и политические ссыльные, преимущественно народнического направления. Проблема такого «симбиоза» многоаспектна. По замечанию В.М. Крутовского, «большинство "политических", интересовавшихся Сибирью и серьезно изучавших ее, не теряя своих идеа-

¹ Крутовский В. Указ. соч. С. 290.

² См.: Круссер Р. Негласный редактор «Сибирской газеты» // Огни Кузбасса. Кемерово. 1978. № 3. С. 72–79; Доманский В.А. Ф.В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск: Водолей, 1996. С. 147–166.

³ Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты... С. 30.

лов, незаметно подпадали под влияние областничества»¹. Но внутриредакционные разногласия по этому вопросу были, и они отразились на страницах издания. Однако сотрудники «Сибирской газеты», объединенные общим делом, общим стремлением к просвещению народа, смогли встать выше разногласий. На страницах «Сибирской газеты» был осуществлен единственный в своем роде синтез областничества и народничества, расширивший информационное пространство издания, давший возможность привлечения к сотрудничеству известных русских писателей.

Так, в 1884 г. состоялось знакомство В.Г. Короленко с редакцией «Сибирской газеты», о чем в деталях вспоминал один из членов редакции, С.Л. Чудновский². Чтение рукописи «Сон Макара», обсуждение ее коллективом редакции и «томской колонией» политических ссыльных, общение с Короленко в равной степени произвели сильное и глубокое впечатление на участников встречи. Свидетельством тому – не только изменение финала «Сна Макара», но и продолжение контактов³. После отъезда В.Г. Короленко «Сибирская газета» напечатала обширную рецензию на произведения «Сон Макара» и «Очерки сибирского туриста»⁴.

Это было, пожалуй, первое знакомство «Сибирской газеты» с известным русским писателем; дружеские отношения, завязавшиеся у Короленко с сотрудниками редакции, позволили привлечь его к сотрудничеству: в 1888 г. писатель прислал для публикации в «Сибирской газете» рассказ «Из записной книжки» (вошедший в полное собрание сочинений под названием «Черкес»)⁵. Для сибирского издания публикация на его страницах произведения знаменитого русского литератора было, несомненно, настоящим событием. Литературные связи «Сибирской газеты» расширяли ее кругозор, повышали авторитет самого издания и в конечном итоге работали на развитие регионального самосознания – в неразрывной связи с общерусской национальной традицией.

¹ Крутовский В. Указ. соч. С. 291.

² См. подробнее: Чудновский С. Из дальних лет // Вестник Европы. СПб. 1912. № 3. С. 183–184.

³ См. подробнее об этом: Янушкевич А.С. Томские университеты В.Г. Короленко // Русские писатели в Томске. Томск: Водолей, 1996. С. 87.

⁴ Сибирская газета. 1885. № 47, 49. Рассказ В.Г. Короленко «Сон Макара» был опубликован в журнале «Русская мысль» (1885, № 3); его «Очерки сибирского туриста» увидели свет в «Северном вестнике» (1885, № 1).

⁵ Короленко В. Из записной книжки // Сибирская газета. 1888. № 16.

Рассказ Короленко был широко разрекламирован «Сибирской газетой»: с первого номера 1888 г. она публиковала на первой странице объявление: «*В январе в "Сибирской газете" появится рассказ Владимира Короленко (автора "Слепого музыканта", "Сна Макара", "Соколинца" и др.) под заглавием "Из записной книжки"*». Рассказ был напечатан в номере от 25 февраля 1888 г. и вышел затем отдельной книжкой, объявление о которой публиковалось «Сибирской газетой» целый месяц (с № 19 от 10 марта до № 27 от 7 апреля 1888 г.). Это была первая изданная в Сибири книга В.Г. Короленко¹.

Уважительное отношение к литературному творчеству В.Г. Короленко и стремление привлечь к нему внимание сибирского общества, подробный анализ его произведений на страницах «Сибирской газеты», публикация рассказа Короленко и затем издание его отдельной книжкой – все это говорит о том, что «Сибирская газета» очень гордилась фактом знакомства с молодым талантливым русским писателем.

В целом в 1882–1884 гг. произошли значительные перемены в структуре газеты: появился отдел фельетона, значительно расширился беллетристический отдел. Газета печатала стихотворения, рассказы, очерки сибирских авторов и сотрудничающих с ней политических ссыльных. «Литературное обозрение», напротив, исчезло как постоянная рубрика – в 1882 г. было опубликовано только 4 литературных обозрения, под названием «Литературные заметки», в 1883–1886 гг. литературные обзоры не выходили вообще, и практика их возобновилась только с 1887 г.

Увеличился объем и количество корреспонденций, которым редакция придавала большое значение. В объявлении о подписке на 1883 г. «Сибирская газета» акцентировала внимание на усилении своей «обличительной» направленности: «Важнейшее место в газете будет отведено корреспонденциям и известиям из всех концов Сибири – из городов, деревень и захолустий; цель этих известий узнать нужды и потребности местного населения и бороться со злоупотреблениями, гнетом и неправдой, от кого бы они ни исходили».

В разделе «Телеграммы» с № 47 (1882) стали печататься сообщения «От Северного телеграфного агентства» самой различной тематики, русские и иностранные. В каждом номере публиковались передовые статьи, в которых разрабатывались проблемы сибирской

¹ Подробнее об этом см.: Янушкевич А.С. Томские университеты В.Г. Короленко... С. 90–91.

жизни. Помещались статьи и очерки по этнографии Сибири, о каторге и ссылке, о положении рабочих на золотых приисках, о переселенческом движении¹.

Рецензии на новые книги и статьи печатались под новой рубрикой «Библиография». Правда, она появлялась на страницах «Сибирской газеты» нерегулярно, раз от раза; материалы ее были неравноценны – от разбора учебных пособий и отчетов Императорского Русского географического общества до развернутых рецензий на стихотворения Федорова-Омулевского, произведения Короленко «Сон Макара» и «Очерки сибирского туриста». Предметом рецензий становились и отдельные издания, и наиболее интересные публикации в журналах. В 1883–1886 гг. рубрика «Библиография» отчасти выполняла функции литературного обозрения, отслеживая наиболее интересные издания и публикации в «толстых» русских журналах.

В 1885 и 1886 гг. редакционный состав «Сибирской газеты» был усилен двумя участниками: К.М. Станюковичем и Д.А. Клеменцем.

К.М. Станюкович провел в Томске три года – с июня 1885 по июнь 1888 г.² Писатель близко сошелся с редакцией «Сибирской газеты», писал фельетоны и роман «Не столь отдаленные места» для газеты и в то же время работал над прославившими его «Морскими рассказами», причем он «особенно ценил тонкие критические замечания Волховского, которого он всегда выслушивал с величай-

¹ И.К. Байга у киргизов // Сибирская газета. 1882. №13; Х. Эмильская долина и торговцы (очерк) // Там же. 1882. № 21–23; Якуты (этнографический очерк) // Там же. 1884. № 43, 47, 49, 51, 52; Б. Каторга на острове Сахалин // Там же. 1882. № 13; Перевозка арестантов по Сибири // Там же. 1882. № 33; Сибирская ссылка // Там же. 1884. № 40; Ссылочный вопрос в Якутской области // Там же. 1884. № 41; Энге. Из страны золота // Там же. 1882. № 26, 27, 31, 33; Виноградов Н. Очерки приисковой торговли (из Енисейского округа) // Там же. 1884. № 40; Самоходы (из записной книжки наблюдателя переселенческого движения) // Там же. 1883. № 42, 43; Переселенцы в Красноярске // Там же. 1883. № 33.

² Вильчинский В.П. Константин Михайлович Станюкович. Жизнь и творчество. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. Ленинградское отделение, 1963. 334 с.; Мильков В.И. К.М. Станюкович // Русские писатели в Томске. Очерки к 350-летию г. Томска. Томск, 1954. С. 33–43; Грицанова М.В. «Томская тема» в творчестве и судьбе К.М. Станюковича // Русские писатели в Томске. Томск: Водолей, 1996. С. 93–109; см. также: Некрасова Е.С. К.М. Станюкович. Его поездка и жизнь в Томске // Русская мысль. 1903. №. 10. С. 141–170; Чудновский С.Л. Из дальних лет // Вестник Европы. 1912. № 3. С. 162–187. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. СПб: Врублевский, 1906. 218 с.; Абрианов А.В. Памяти супругов Клеменц: Отдельный оттиск из 45-го тома «Известий Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического Общества». Иркутск, 1917. 22 с.

шим вниманием, зачастую восхищаясь эстетическим чутьем этого широко образованного человека»¹.

В 1886 г. в состав редакции вошел Д.А. Клеменц, переехавший в Томск после окончания своей минусинской ссылки. Автор революционных стихов, один из редакторов газеты «Земля и воля», он был известен как талантливый публицист и фельетонист. Наряду с Волховским Клеменц стал главной литературной силой «Сибирской газеты», писал передовые и научные статьи, фельетоны. Высоко оценивал роль Клеменца в «Сибирской газете» Г.Н. Потанин: «Когда в Томске была основана частная "Сибирская газета", Клеменц явился в ней душой редакции. Около него группировались его друзья-единомышленники, такие же невольные колонисты Сибири, как и он сам»².

В состав редакции в 1885–1888 гг. входили также А.И. Иванчин-Писарев и П.А. Голубев. Подтверждение возросшей популярности газеты обнаруживается в объявлении «Сибирской газеты»: «Первый и второй №№ "Сибирской газеты", напечатанные, в общей сложности, в количестве 4000 экземпляров, разошлись без остатка, а потому редакция предупреждает новых подписчиков, что они будут получать "Сибирскую газету" 1888 года с третьего номера»³.

Новые люди в редакции оказали значительную помощь в газетной полемике, развернувшейся в связи с открытием в 1885 г. в Томске второй частной газеты – «Сибирского вестника». «Сибирская газета» поместила на своих страницах объявление о выходе «Сибирского вестника», а в № 20 за 1885 г., замечая, что «такой новости, как появление нового в Сибири печатного органа, нельзя пройти молчанием», так писала о тенденциях новой газеты: «Вышедший 16 мая первый номер томского "Сибирского вестника" касается важнейших проклятых сибирских вопросов, все их задевает бойко, бередит большие места, но все с особенной, своей, "русской" точки зрения». С этого номера полемика с «Сибирским вестником» стала неременной составляющей практически каждого номера «Сибирской газеты», охватывая все существующие жанры и проявляясь на разных уровнях.

Своеобразным «противовесом» «Сибирскому вестнику» стала «Крапива» – сатирическая «газета в газете», появившаяся с № 37

¹ Чудновский С. Из дальних лет... С. 182.

² Потанин Г.Н. Д.А. Клеменц // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Запдно-Сибирское книжное издательство, 1986. Т. 7. С. 136.

³ Сибирская газета. 1888. № 13.

(15 сентября 1885 г.) на страницах «Сибирской газеты». Уже ее определение – «литературное, политическое и общественное периодическое произведение сибирской почвы, не лишенное интереса, хотя и не приносящее никаких дивидендов» – говорило о полемической противопоставленности «Вестнику политики, литературы и общественной жизни». Авторство «Крапивы» приписывается Волховскому, но несомненно, что участие в нем принимал и Станюкович, к этому времени уже успевший познакомиться с расстановкой литературных сил в Томске.

Образцом для «Крапивы» послужили сатирические издания 1860–1870-х гг. – «Искра» В.С. Курочкина, «Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок» (сатирическое приложение к «Современнику»), «Гудок». Так же, как и эти издания, «Крапива» была плодом коллегиальной работы; организатором и вдохновителем ее являлся Волховский, здесь принимали участие Станюкович и другие авторы «Сибирской газеты». «Крапива» оформлялась как «газета в газете»: в ней публиковались передовые статьи, «Телеграммы (наших собственных корреспондентов)», были рубрики «Городская жизнь», «Корреспонденции», «Объявления "Крапивы"», стихотворения и т.д. Такая форма позволяла охватить сразу много тем – полемика с «Еженедельным обозрением» о самостоятельности убеждений (передовая «Томск, 30 ноября»), положение женщины («Телеграммы»), критика театральной постановки («Городская жизнь»), тема взяточничества («Его уж нет!» – «современный сибирский роман»)¹.

и одновременно обыграть в разных материалах одну, но самую важную тему.

Непосредственным откликом на полемику «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника» стал роман Станюковича «Не столь отдаленные места»: за подписью «Н. Томский» он публиковался в «Сибирской газете» на протяжении 1886–1888 гг.² Произведение не было окончено, так как «Сибирская газета» была закрыта в 1888 г.; роман прервался на главе под названием «Новый» (в нумерации «Сибирской газеты» это была 31-я глава, в последующих изданиях – 30-я; всего в окончательном варианте романа 31 глава и эпилог).

¹ *Сибирская газета*. 1885. № 48.

² *Томский Н.* Не столь отдаленные места // *Сибирская газета*. 1886. № 36–48, 50, 52; 1887. № 2, 3, 5, 7, 8, 10, 12, 13, 17; 1888. № 19, 21, 23, 25, 27, 33, 35, 37, 39, 43, 45, 47, 49–54, 56.

Полный текст романа был опубликован вскоре после возвращения Станюковича из сибирской ссылки: в 1889 г. в Санкт-Петербурге издателем Н.А. Толкачевым он был выпущен с подзаголовком «Роман из сибирской жизни»¹. Произведение заметили столичные литературные критики, о чем свидетельствует публикация рецензий на роман в «толстых» русских журналах «Северный вестник» и «Вестник Европы»².

В 12-томное собрание сочинений, первое и единственное прижизненное издание произведений Станюковича (1843–1903), осуществленное книгоиздателем А.А. Карцевым в 1896–1898 гг., роман был включен под названием «В места не столь отдаленные»³. Так же озаглавлен роман и в последующих переизданиях: в «Полном собрании сочинений К.М. Станюковича» (СПб., 1906–1907) и в издании романа, который в 1964 г. вышел отдельной книгой в Западно-Сибирском книжном издательстве (серия «Библиотека сибирского романа») ⁴. Таким образом, оба варианта названия романа («Не столь отдаленные места» и «В места не столь отдаленные») верны, так как изменение заглавия было произведено самим Станюковичем.

Интерес сибиряков к роману был огромен и возрастал от номера к номеру, и по сведениям исследователя, «появились просьбы издать его отдельной книжкой и уж во всяком случае не прерывать выпусков. В начале 1888 г. редакция вынуждена была в каждом номере "успокаивать" нетерпеливую читательскую аудиторию обещанием скоро продолжить печатание романа Н. Томского»⁵. Особый интерес у томской публики вызывало то обстоятельство, что многие действующие лица романа были «списаны» с реальных лиц. Опыт фельетониста помог Станюковичу избежать «кляузы» и в то же время сделать прототипы легко узнаваемыми. Рецензент «Северного вестника», например, отмечал, что «г. Станюкович изображает с строгою правдивостью, не клеветает на выводимых им лиц и старается представить их по возможности фотографически... порой под выводимым им лицом довольно прозрачно виден оригинал, с кото-

¹ Станюкович К.М. Не столь отдаленные места. Роман из сибирской жизни / Издание Н.А. Толкачева. СПб., 1889.

² Северный вестник. СПб., 1889. № 3; Вестник Европы. СПб., 1889. № 4.

³ Станюкович К.М. В места не столь отдаленные // Собрание сочинений К.М. Станюковича / Издание А.А. Карцева. М., 1897. Т. 9. С. 1–220.

⁴ Станюкович К.М. В места не столь отдаленные / Подготовка текста и примечаний А.В. Вансловой. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд., 1964. С. 17–232.

⁵ Грицанова М.В. Указ. соч. С. 103.

рого оно списано»¹. Читатели узнавали в жиганском губернаторе Ржевском-Прянике томского губернатора И.И. Красовского, в его домашнем секретаре Сикорском – бывшего директора-распорядителя московского ссудного банка П.М. Полянского; в Пятиизбянском – управляющего томской казенной палатой М.А. Гилярова; в Переметном – вице-губернатора Н.Н. Петухова; в Жиркове – юриста, бывшего издателя «Северного вестника» Е.В. Корша; в Добрецове – другого томского губернатора, А.И. Лакса; в Пеклеванном – В.П. Каргамышева; в Шайтанове – редактора «Сибирской газеты» А.В. Адрианова. Кроме того, в сюжет роман вплетены действительные события, происходившие в Томске в 1881–1888-х гг. – публикация «корреспонденции» в столичной газете², появление второй газеты, в которой принимали участие уголовные ссыльные («Сибирского вестника»), потрясшее своей жестокостью убийство целой семьи в Томске и т.д.

Для привлечения читателя в 1887–1888 гг. в «Сибирскую газету» было вновь введено литературное обозрение. В 1887 г. появился отдел «Что пишут?» (литературные заметки), который вел Волховский (материалы подписаны его псевдонимом «Простой смертный»). Возобновляя рубрику литературного обозрения, Волховский сохранял форму разговора с читателем: его материалы – ответ на заданный в названии рубрики вопрос: «Что пишут?» Обозреватель выделял следующие задачи возрожденных литературных обозрений: познакомить сибирского читателя, во-первых, «с оригинальной мыслью, с новым взглядом на тот или иной предмет общественной жизни, науки»; во-вторых – «с некоторыми, по крайней мере, красотами нового художественного произведения, о котором иначе обитатель захолустья, пожалуй, не знал бы даже – существует ли оно»; в-третьих, более образованной части читающей публики «литературное обозрение должно помочь разобраться в критической оценке прочитанного». «Сибирская газета» считала необходимым «отвести глаза от своего муравейника и бросить взгляд на более широкое поле», ввести своего читателя в контекст общероссийских проблем, так как «мысль человека, взгляд которого не хватает далее

¹ Цит. по: *Лукачев А.* Сибирский роман К.М. Станюковича // Станюкович К. В места не столь отдаленные. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд., 1964. С. 15.

² В 1886 г. в «Московских ведомостях» была опубликована корреспонденция из Томска; «Сибирская газета» откликнулась на нее сообщением о корреспонденции в «Московских ведомостях», затем перепечатала ее и поместила статью «Донес "Московских ведомостей" на сибирскую печать» (Сибирская газета. 1886. № 7,8).

своего угла, – мельчает, и предметы в его глазах получают совершенно несоответственные действительности размеры и значение»¹. В этих словах звучит отголосок редакционных разногласий по поводу областничества, в которых Волховский отстаивал идею широкого включения Сибири в русло общероссийской жизни.

В середине 1880-х гг. усилилось давление на сибирскую печать со стороны администрации, в 1887 г. последовала первая приостановка «Сибирской газеты» на 8 месяцев, это была строжайшая предупредительная мера из предусмотренных для печати. После возобновления в 1888 г. «Сибирская газета» появилась в обновленном виде. Теперь она выходила два раза в неделю, по воскресеньям и четвергам (в год было обещано 100 номеров, тогда так раньше выходило 52). За редактора подписывался А. Гусев (по свидетельству современников, подставное лицо), издателем вновь выступил П.И. Макушин, однако вскоре он передал издание «Сибирской газеты» потомственному почетному гражданину Н.А. Толкачеву.

В возобновленной газете появился отдел «Фельетон "Сибирской газеты"»: его заполняли своими произведениями сразу три талантливых автора – Станюкович, Волховский и Клеменц, что делало этот отдел особенно популярным и значимым для «Сибирской газеты». В издании по-прежнему большое значение придавалось корреспонденциям, также публиковались материалы по истории, экономике, этнографии Сибири. Не сходила со страниц издания и полемика с «Сибирским вестником», развивающаяся в разных направлениях.

Летом 1888 г. редакция узнала, что в Томск едет один из самых любимых тогда писателей России – Глеб Успенский. Его имя встречалось на страницах «Сибирской газеты» с первого года издания². Успенский всегда был для «Сибирской газеты» одним из самых авторитетных и уважаемых современных писателей. Можно представить себе, какое радостное волнение испытали члены редакции газеты, когда узнали о скором прибытии в Томск

¹ Сибирская газета. 1887. № 2.

² В «Литературных обозрениях» 1881–1882 гг. «Сибирская газета» писала об очерках Успенского «Пришло на память» (1881. № 8), «Равнение под одно», «Власть земли» (1882. № 9), очерках из цикла «Без определенных занятий» (1881. № 5, 13, 23). В 1887–1888 годах, когда жанр литературных обозрений вновь появился в «Сибирской газете», обозреватели обращались к очеркам Успенского «Непривычное положение» (1888. № 18), «Четверть лошади» (1888. № 12); рассказывали о юбилее Г.И. Успенского («25 лет литературной деятельности нашего высоко даровитого художника-публициста») и приводили содержание письма Успенского в Общество любителей российской словесности (1888. № 43).

Г.И. Успенского¹. Пребывание писателя в Томске стало событием для сотрудников «Сибирской газеты», которые в это время готовились к открытию Томского университета, работая над составлением праздничного номера. В нем были помещены этюд Мамина-Сибиряка «Читатель» и очерк Наумова «Сцены из жизни темного люда». Успенский написал для «университетского номера» биографию историка А.П. Щапова². 22 июля должно было состояться торжественное открытие первого сибирского университета, на которое Успенский получил пригласительный билет. Однако редакция официального приглашения не получила, более того – сотрудникам, пришедшим в актовый зал без приглашения, предложили удалиться. Г.И. Успенский был поражен происходящим; он отказался участвовать в торжественном обеде и ушел с чувствования, присоединившись к редакционному собранию, устроенному в доме Н.И. Наумова (который, получив приглашение, также в знак протеста не поехал в университет).

А через несколько дней редакция была извещена о приостановке газеты. Г.И. Успенский, по воспоминаниям сотрудников, «был сражен приостановкою ее чуть ли не больше нашего. "Как же, как же вы теперь будете?" – твердил он нашему кружку. – "Да так же, как прежде, Г.И., вернемся в первобытное состояние...". Но он долго не мог успокоиться и волновался из-за нас»³.

Закрытие «Сибирской газеты» по времени практически совпало с открытием первого сибирского вуза – Императорского Томского университета, и это не было простым совпадением. Участие в газете политических ссыльных, ее критика, направленная против местной администрации, – все это беспокоило Министерство народного просвещения. Как пишет Л.Л. Ермолинский, «строжайшая из предупредительных мер – приостановка "Сибирской газеты" на 8 месяцев – как видно, не удовлетворяет ни департамент полиции, ни министерство просвещения. В январе 1889 года полиция вновь ходатайствует о запрещении томского издания, <...> и 24 января совет трех министров, "обсудив общее направление издаваемой в Томске

¹ Подробнее о причинах приезда в Томск Г.И. Успенского и о его пребывании в городе см.: Айзикова И.А. «...еду в Сибирь служить» (Г.И. Успенский в Томске) // Русские писатели в Томске. Томск: Водолей, 1996. С. 110–127.

² *Сибирская газета*. 1888. № 55.

³ *Глеб Успенский* в его переписке // *Голос минувшего*. СПб., 1915. № 10. С. 230.

"Сибирской газеты" и находя его безусловно вредным, определяет: прекратить вовсе издание этой газеты"»¹.

В итоге «Сибирская газета» просуществовала восемь лет, не считая двух приостановок, и за это время успела стать важным фактом регионального самосознания Сибири.

Многое было сделано газетой для просвещения сибирского читателя. Помимо непосредственно выпуска газеты, редакция выпускала приложения², печатала отдельными изданиями рассказ Вл. Короленко «Из записной книжки» («Черкес»)³; сказку Ф.В. Волховского – Ивана Брута – «Ночь на Новый год» (опубликованную впервые в 1884 г. в № 1)⁴ и другие произведения.

При редакции велась постоянная работа по сбору средств на общественные нужды: в 1882 г. была открыта подписка в пользу семьи С.С. Шашкова, в 1884 г. принимались пожертвования в пользу погорельцев г. Кузнецка. Собирались членские взносы и пожертвования в пользу «Общества пособия нуждающимся сибирякам и сибирячкам, учащимся в учебных заведениях Москвы», проводилась подписка в пользу семьи умершего писателя-сибиряка И.В. Федорова-Омулевского и т.д. Газета стала центром общественной жизни Томска и Сибири. Сотрудники редакции состояли членами Общества попечения о начальном образовании и других обществ. В 1887 г., с 6 по 12 апреля, при содействии «Сибирской газеты» была проведена этнографическая выставка в Томске – первое мероприятие такого рода в Сибири.

«Сибирская газета» освоила нишу, которую с тех пор всегда стремились занять томские периодические издания, – газеты идеологически выдержанной, настолько же публицистической, насколько и литературной, полемической, интеллектуальной и одновременно популярной среди широких слоев населения.

Особенность «Сибирской газеты» состояла в ее принципиальной «литературоцентричности». С одной стороны, публикации «Сибирской газеты» охватывали самый широкий круг вопросов – экономи-

¹ Ермолинский Л.Л. Сибирская печать и царская цензура (1875-1886 гг.) // Журналистика в Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1967. С. 38–39.

² Кириллов А.В. Камчатские школы в прошлом столетии // Сибирская газета. 1882. № 26; Устав Общества попечения о начальном образовании в г. Томске // Там же. 1882. № 29; Проект соединения Оби с Енисеем через Кеть и Кас каналом (карта) // Там же. 1883. № 15.

³ Короленко Вл. Из записной книжки («Черкес»). Очерк. Перепечатано из № 16 «Сибирской газеты» 1888 года. Томск: Типолитография Михайлова и Макушина, 1888.

⁴ Брут И. Ночь на Новый год. Томск: Типография «Сибирской газеты», 1885.

ческих, исторических, общественных. Обозрения иностранные, русские, сибирские, хроника томской жизни, обилие справочного, хроникального материала – все это делало издание информативным и публицистическим органом печати. Особо отличалась «Сибирская газета» своим обличительным, оппозиционным характером, что крайне осложняло ее взаимоотношения с властями и цензурой и привело в результате к ее закрытию. В то же время даже современники «Сибирской газеты» отмечали, что статьи этого издания «отличались литературностью». Многие исследователи говорят о богатстве ее беллетристического отдела, обусловленном привлечением к сотрудничеству широкого круга русских писателей – Успенского, Наумова, Мачтета, Станюковича, Клеменца, Короленко и других. Общественная позиция «Сибирской газеты» была связана с развитием регионального самосознания, что включает в себя, с одной стороны, утверждение самобытности сибирской истории, культуры, развитие экономики, достижение гражданских свобод населением Сибири, отстаивание перспектив будущего, а с другой стороны, глубокую связь с общенациональными ценностями, с духовными традициями русской истории и культуры.

Издание второй частной томской газеты «Сибирский вестник»

Газета «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» была основана при содействии томской администрации как возможный конкурент «обличительной» «Сибирской газете». Основателем и первым официальным редактором-издателем «Сибирского вестника» в 1885–1888 гг. был присяжный поверенный Василий Петрович Картамышев (1851? – 1894). Дворянин по происхождению, Картамышев окончил юридический факультет Московского университета, работал в сфере юриспруденции, в Томск прибыл в 1881 г. Здесь он начал заниматься адвокатской практикой по уголовным и гражданским делам, в том числе вел дело об утверждении в правах наследников известного тогда иркутского миллионера Хамитова. Полученный за «хамитовское дело» гонорар – около 30 тысяч рублей – Картамышев решил вложить в новую газету.

В качестве второго основателя газеты, ее идеолога, можно назвать Е.В. Корша. В число сотрудников новой газеты вошли П.М. Полянский, бывший директор-распорядитель Московского коммерческого ссудного банка, осужденный и высланный в Сибирь

по «процессу Струсберга» (1876 г.), В.А. Долгоруков, бывший князь, также попавший в Сибирь как уголовный ссыльный («Дело о Клубе червонных валетов», 1877 г.), А.О. Станисловский, горный инженер, и некоторые другие местные литераторы. Преобладание в редакции лиц, сосланных по уголовным делам, стало одним из ключевых моментов в дискуссии «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника».

Первый номер новой томской газеты вышел 16 мая 1885 г. Он был приурочен к годовщине подписания царского указа об учреждении Сибирского университета (16 мая 1878 г.), что особо подчеркивалось основателями «Сибирского вестника». В 1885 г. газета выходила еженедельно, по четвергам, по традиционной программе общественно-политической газеты, включающей в себя отделы телеграмм, корреспонденций, обзоры российской и сибирской жизни, фельетоны и др.

Главной особенностью «Сибирского вестника» стало его принципиальное несогласие с «областническими» сибирскими газетами. Об этом редакция заявила в первой же статье первого номера новой газеты «Томск, 15 мая». Организаторы «Сибирского вестника» начали разговор с читателями с вопросов, которые, по их мнению, возникали в умах томичей: «Есть ли необходимость в новом органе печати, посвященном, главным образом, сибирским делам? Не достаточно ли для полного отражения сибирской жизни уже существующих местных изданий, представляющих собою лучшие стремления образованной части сибирского общества и дающих верную и добросовестную характеристику сибирской действительности?». Авторы передовой статьи, написанной от имени всей редакции, отмечая, что появление новой газеты «вызвало весьма разнообразные толки и предположения»: «одни готовы видеть в нашей газете орган, основанный с целью противодействия "существующей честной местной прессе", другие подозревают в "Сибирском вестнике" издание официальное, предпринятое в целях местной администрации», – определяли задачу первого номера как «ясно и определенно высказать наши намерения».

Основатели газеты, с одной стороны, утверждали, что они признают «заслуги сибирской печати», и «Сибирский вестник» предназначен «вовсе не для предвзятой борьбы с нею»; более того, публицисты выражали уверенность, что «по многим вопросам мы, вероятно, пойдем с нею рука об руку». Однако они подчеркивали: «Основная тенденция нашей газеты будет иная». Описание это

«иной тенденции» позволило как читателям, так и редакциям сибирских газет уверенно отнести «Сибирский вестник» к лагерю «централистов». Взгляды основателей нового органа печати заключались в следующем: «Мы не можем смотреть на Сибирь, как на окраину, связанную с Европейской Россией исключительно внешнею связью, как на страну, у которой должны быть свои особые пути и средства внутреннего развития и которой исключительно внутри себя предстоит найти элементы для более правильного гражданского существования. Напротив, мы глубоко убеждены, что все будущее Сибири неразрывно связано с будущим всей России, и что Сибирь только и может развиваться на общерусских основаниях, путем последовательного применения к ней условий существования всего русского государства»¹.

В рамках полемики с областниками публицисты «Сибирского вестника» заявляли: «Мы идем далее и утверждаем, что, говоря о Сибири и России, нельзя называть первую *колониею*, а вторую *метрополиею*, ибо эти термины, примененные к Сибири и России, вносят в местное общество явную путаницу понятий, которую надо, наконец, устранить. В самом деле, какая же Сибирь колония России? Большинство населения главных четырех губерний Сибири ни по языку, ни по религии, ни по главным основам своего экономического быта ни в чем не отличаются от большей части населения всей России. Все трехсотлетнее существование Сибири, как составной части русского царства, представляется сплошным утверждением в ней общерусской гражданственности, и не путем какого-либо насилия, а в силу исторической необходимости, в силу естественного успеха высшей культуры. Раскинутые на необозримых и никому не ведомых пространствах, аборигены Сибири, остатки которых мы видим и теперь в местных инородцах, не могли устоять против храбрых русских пришельцев, водворивших в Сибири русское владычество; не могли они помешать и дальнейшему развитию здесь русского элемента».

Авторы периодовой статьи отвергали «колониальный статус» Сибири, предпочитая назвать ее «провинцией», «такой же, как и многие другие провинции России», и заявляли, что они «горячо будут поддерживать каждый новый шаг на пути к возможно большему развитию внутренней связи между Сибирью и Европейской Россиею», в частности, выступая горячими сторонниками постройки Сибирской железной дороги, вывоза сырья из Сибири и т.д.

¹ *Сибирский вестник*. 1885. № 1.

Как и все сибирские газеты, «Сибирский вестник» должен был выходить под предварительной цензурой; но публицисты с оптимизмом смотрели на возможность обсуждения в печати важных общественных вопросов, считая, что «писать можно о многом, но, при известных условиях, надо уметь писать так, как умели делать это лучшие русские публицисты тридцатых и сороковых годов, то есть отказаться от раздражающего и резкого тона, от излишней односторонности и от чрезмерной густоты красок». Печать должна выступать «спокойно, без задора, с достоинством и серьезно»; новая газета отказывалась заранее «от преимущественно обличительного направления»: это заявление было направлено против сибирских газет, известных своим «обличительным характером».

Авторы «Сибирского вестника» уверяли «действующие органы местной печати» в том, что «враждовать во что бы то ни стало мы, с своей стороны, не намерены», и считали: «нам всем тесно в Сибири не будет». Отказываясь от обвинений в «официозности», редакция заявляла: газета основана «исключительно с целью создать в Сибири искренний и правдивый орган русских людей, не разделяющих одностороннего и предвзятого взгляда на Сибирь как на страну, в которой имеет право действовать только тот, кто в ней родился, и в которой нет места по праву человека, явившегося сюда из другой части России, хотя бы интересы Сибири были ему дороже, чем многим ее коренным сыновьям»¹.

Таким образом, первая же статья новой газеты показала принципиальное несогласие ее авторов с областническими взглядами в местной сибирской печати: «Сибирский вестник» позиционировал себя как «орган русских людей», отказывался от «обличительства», настаивал на «провинциальном» статусе Сибири. В этом направлении газета и намеревалась «посильно служить развитию местного общественного самосознания».

Кроме полемики с «Сибирской газетой» и другими органами сибирской печати, «Сибирский вестник» в первый год своего существования процентов на 50 наполнялся «чужим» материалом – обзорами российских и зарубежных газет. До 25% газетной площади занимал фельетонный цикл Щукина «Чем мы живы», посвященный актуальным вопросам городской жизни: поведению отдыхающих, женскому вопросу, «сибирским патриотам», отношению к государ-

¹ *Сибирский вестник*. 1885. № 1.

ственной казне¹. Можно констатировать, что в основном газета заполнялась не новостными материалами, а рассуждениями о происходящих событиях и явлениях, воплощаемыми в жанрах передовой статьи, фельетона, обзора печати. Беллетристика как таковая в 1885 г. в «Сибирском вестнике» отсутствовала, что, по-видимому, было связано с немногочисленным авторским составом.

В 1886 г. «Сибирский вестник» выходил первоначально по воскресеньям и четвергам; в мае редакция объявила о дополнительном («необязательном») выходе номеров по вторникам; к концу года газета окончательно перешла на график выхода три раза в неделю: по воскресеньям, средам и пятницам. Был увеличен формат издания: в 1885 г. газета выходила в том же формате, что и «Сибирская газета», «Сибирь», «Восточное обозрение» – немногим больше современного формата А4; в 1886-м он сравнялся с форматом А3. Кроме того, в № 4 (1886) было объявлено о смене типографии в связи с конфликтом с типографией Михайлова и Макушина; газета печаталась в губернской типографии, затем в собственной типографии «Сибирского вестника».

О сложностях, которые испытывала газета в первые годы своего существования, можно было узнать из продолжающихся в 1886 г. фельетонов Щукина «Чем мы живы». Фельетонист жаловался на то, что городская управа отвергла возможность напечатать в «Сибирском вестнике» «отчет о розданных погорельцам пособиях»; Сибирский общественный банк «не считал нужным сообщить редакции об изменениях процентов по ссудам – по мнению автора, «из желания показать свое нерасположение к газете». Не давал рекламу в газету и Сибирский торговый банк, а «в продолжение праздников, когда было дано чуть не два десятка маскарадов и столько же спектаклей, ни одного раза не было доставлено от устроителей ни извещения, ни даже афиши в редакцию». Наконец, он сообщил, что «извещения о заседаниях Думы запрещено носить в редакцию». Все это, считал Щукин, следствие того, что «на первом плане личные счеты, симпатии и антипатии»; томичи «еще не привыкли считать газету за орган гласности, не привыкли думать, что все, что устраивается для публики, нуждается в возможно большем распространении сведений, и что главным орудием этого является газета»². Можно предположить также, что по традиции большинство объявлений печаталось

¹ Там же. № 2–3, 17, 19.

² *Сибирский вестник*. 1886. № 14.

в «Сибирской газете», а установившиеся деловые и общественные связи было разрушить достаточно непросто.

«Отстройку» от конкурента «Сибирский вестник» производил с помощью непрекращающейся полемики. Предметом ее служило не только «сибирефильство» и «местный патриотизм»: газета Картамышева на протяжении 1886 г. выступала со статьями, критикующими городское самоуправление, в конце года освещая выборы нового состава Томской городской думы; против политики «Сибирской газеты» в отношении телеграмм боролся Корш как представитель в Томске «Северного телеграфного агентства»; газеты дискутировали о капитализме, о корреспонденции и статье в «Московских ведомостях», о железной дороге в Сибири и т.д.

В рамках дискуссии явилось программным выступление газеты о задачах провинциальной печати. Отмечая, что «вопрос о задачах провинциальной периодической печати не перестает обсуждаться на разные лады», «Сибирский вестник» констатировал: чаще всего на этот вопрос отвечают: «местная печать должна служить местным интересам». Это определение, считает газета, «слишком обще и неопределенно», «оно распадается на многие частные, специальные задачи и цели, преследование которых открывает обширное поле для деятельности провинциальной печати». Из этих многих задач, по мнению «Сибирского вестника», «выделяются две главные»: «первая заключается в анализе явлений местной жизни, в освещении их с точки зрения общественной пользы, общественного интереса», и при этом «нельзя обойтись без обличений или разоблачений своеволия, самодурства, вредно отзывающегося на местной общественной жизни, из каких бы "влиятельных" сфер общества они не исходили». Из этого можно сделать вывод о том, что на втором году издания Картамышев отошел от продекларированного при основании газеты принципа отказа от «обличительства»: теперь «обличения или разоблачения» ставились им в разряд главнейших задач провинциального издания. Второй важной задачей – «положительной» – Картамышев назвал задачу «содействовать развитию местной жизни путем изыскания и обсуждения способов удовлетворения потребностей местного общества». Печать, по его мнению, должна «уметь обобщить наиболее настоятельные требования жизни, уметь найти способы их удовлетворения, уметь осветить эти способы теоретическими положениями науки»¹.

¹ Сибирский вестник. 1886. № 7.

Стараясь соответствовать сформулированным задачам, «Сибирский вестник» и в 1886 г. первые две полосы своего издания посвящал, как правило, передовым статьям (в номере их было до трех) по актуальным вопросам сибирской жизни. Наиболее частыми темами для выступлений публицистов были вопросы экономики и управления, пути сообщения в Сибири и строящаяся железная дорога, а также вопрос об открытии сибирского университета, уголовная ссылка в Сибирь, инородческий вопрос.

Усилия, предпринимаемые редактором и сотрудниками «Сибирского вестника» для завоевания популярности в томском обществе, постепенно приносили свои плоды. В начале 1886 г. газета сообщила, что тираж ее составил 1100 экземпляров, то есть газетные расходы уже стали окупаться. Следующим шагом на пути конкурентной борьбы с «Сибирской газетой» стало прошение о разрешении ежедневного выпуска «Сибирского вестника», поданное в Главное управление по делам печати.

В последнем номере 1886 г. появилась статья В. Картамышева «От редактора», в которой он благодарил «сибирское читающее общество» «за ту нравственную поддержку, которую встретила... газета в тяжелое, теперь уже прожитое ею время». Он подчеркивал, что «литературные психопаты, вся эта разношерстная компания озлобленных людей – бедных умом и гордых своим невежеством, пользуясь гостеприимством "Восточного обозрения", "Сибири" и "Сибирской газеты", сделала все для того, чтобы дискредитировать и меня, и моих предполагаемых сотрудников в глазах сибирского читателя»; однако «время и отношение к своему делу моей редакции разрушили их недостойные, недобросовестные, своекорыстные вылазки, и "Сибирский вестник" вышел из этого постыдного для его врагов боя с незапятнанным знаменем, на котором и теперь крупными буквами написаны слова: *истинное и сердечное служение далекому русскому краю* [курсив ред.]». Редактор обещал читателям, что его газета «сохранит заветы литературной порядочности», «и впредь останется хранительницей тех же идей и желаний, которые полтора года, в каждом номере, настойчиво и последовательно проводились нами»¹.

Из статьи становится понятно, что сам редактор не заметил тех «отходов» от первоначальной идеи «Сибирского вестника», которые были озвучены в течение 1886 г.: газета непрестанно вела полемику

¹ *Сибирский вестник*. 1886. № 116.

со своими оппонентами, а вместо отказа от «преимущественно обличительного направления» объявляла, что газете «нельзя обойтись без обличений или разоблачений своеволия, самодурства, вредно отзывающегося на местной общественной жизни». Непоследовательность Картамышева появлялась и в ряде других вопросов, что осложняло дискуссию с ним авторов «Сибирской газеты».

Заявленное расширение литературно-критического отдела «Сибирского вестника» воплотилось в появлении «Литературной беседы», автором ее был «Старый книжник» – судя по всему, Е.В. Корш. До этого времени газета уделяла немного внимания литературным явлениям, хотя здесь можно было прочитать материалы о лекции Вяткина, о творчестве Никитина и Кольцова, статьи «Мотивы поэзии Некрасова» и «Декабрист Г.С. Батеньков», некрологи И.С. Аксакова и А.Н. Островского и некоторые другие материалы, посвященные русским писателям и поэтам¹. В «Литературных беседах» можно было прочитать о публикуемых в «толстых» журналах текущих произведениях ведущих русских авторов: Н. Шелгунова, Островского, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Гл. Успенского, В. Короленко, Л. Толстого и др.² Эстетическую позицию «Сибирского вестника» можно охарактеризовать как «либерально-западническую», отличающуюся в то же время пристрастностью по отношению к некоторым писателям, обусловленную ведущейся общественной полемикой, а не художественными особенностями произведений: так, например, отрицательную оценку получили очерки К. Станковича «В далекие края», так как этот писатель был активным сотрудником «Сибирской газеты». Автор «Литературных бесед» в целом высоко ценил представителей «большой» русской литературы, подходя к рассмотрению произведений с точки зрения реализма, общественного значения художественных текстов.

Наиболее часто «Сибирский вестник» в 1887 г. освещал темы городского самоуправления, нередко выступая против городского головы Михайлова. Избрание городским головой Е.И. Королева в конце 1887 г. вызвало у авторов «Сибирского вестника» большие надежды на изменение городской жизни в лучшую сторону.

В передовых статьях газеты продолжали также обсуждаться переселенческий вопрос, строительство железной дороги в Сибири, ссылка в Сибирь, реформы в Сибири, вопросы, касающиеся золото-

¹ Сибирский вестник. 1886. № 4, № 9–10; 25, 44.

² Там же. 1887. № 3, 7, 10, 16, 19, 22, 25, 28, 31, 34, 50.

промышленности, образования в Сибири и в России и др.¹ В этих материалах нередко были нападки на членов «газетного тройственного союза» – «Сибирскую газету», «Сибирь» и «Восточное обозрение», но все-таки основная полемика в 1887 г. переместилась на обсуждение научных заслуг Д. Клеменца и других участников «Сибирской газеты» в разделе писем в редакцию. Отрицая научную значимость исследований Д. Клеменца, С. Чудновского, А. Адриана, публицисты «Сибирского вестника» критически отнеслись и к лекциям Г.Н. Потанина, с которыми он выступил в Томске в 1887 г.: не касаясь новизны и уникальности материала, собранного путешественником, публицисты акцентировали внимание на «неотчетливом выговоре китайских и монгольских названий, произносимых почтенным лектором и с чужестранным выговором», что дало право назвать лекцию «двумя часами опытов вытаскивания клещами каждого членораздельного звука из слабой груди путешественника»².

В июне 1887 г. «Сибирский вестник» был приостановлен на 6 месяцев, без объявления причин («Сибирская газета» была приостановлена еще в апреле 1887 г.). В 1888 г. «Сибирский вестник» не изменил своей периодичности (выходил три раза в неделю, по средам, пятницам и воскресеньям), сохранились и основные отделы, и принципы комплектования номеров. Редактором по-прежнему был В. Картамышев, однако в качестве издательницы выступила его жена М. Картамышева. В объявлении о подписке на 1888 г. сообщалось, что в течение года будут печататься: 1) «Чем мы живы – в Москве», фельетоны Щукина; 2) «Научные экскурсии в область загадочного», фельетоны Емельянова; 3) рассказы и стихотворения Щукина, Овсянникова, Юшина и др.; 4) «Письма о рудном золоте» Е.Е. Емельянова.

Основными темами передовых статей «Сибирского вестника» по-прежнему были переселенческий вопрос, железная дорога в Сибири, вопрос о ссылке и т.д. Новыми крупными проблемами, обсуждавшимися в газете в 1888 г., стали стачка томских винокуров и полемика с газетой «Гражданин» о Томском университете³.

Торжество открытия Императорского Томского университета состоялось в июле 1888 г. Однако «Сибирский вестник» был лишен возможности осветить это грандиозное событие: он снова был при-

¹ Там же. 1887. № 3, 8, 16, 18, 19, 25, 28, 29–31, 33, 34, 38, 41, 42, 44, 49, 55–61, 63, 66, 73.

² *Сибирский вестник*. 1887. № 9, 11.

³ Там же. 1888. № 8, 23, 38, 42, 59, 71, 77, 86.

остановлен в мае 1888 г. на 4 месяца. В июле 1888 г., как уже отмечалось, была приостановлена на 6 месяцев, а затем закрыта «за вредное направление» и «Сибирская газета». Эти приостановки и размышления о значении местной печати стали темой фельетона из цикла «Чем мы живы. В Томске» в возобновленном «Сибирском вестнике». Фельетонист писал о возросшем значении местной печати для обывателя, о том, что столичная печать не может и не должна вникать в дела провинции – для этого существует провинциальная газета. Автор также вступил в полемику с публицистами столичного «Гражданина» по поводу предвзятого освещения торжества открытия Томского университета: эта тема стала предметом обсуждения еще в нескольких передовых статьях¹.

Во время приостановки «Сибирской газеты» (никто не предполагал, что газета больше не возобновится, сотрудники и «Сибирской газеты», и «Сибирского вестника» были уверены, что это временная мера) полемика с ней не прекращалась. Основным поводом для злорадства «Сибирского вестника» явились упреки Г. Успенского в адрес «Сибирской газеты» в отношении неточностей в данных по переселенческому движению. Публицист «Сибирского вестника» писал: «Нужно быть особенно благодарным г. Успенскому, что он фактически доказал степень добросовестности сведений, помещенных в "Сибирской газете", и тот редакционный хаос, которым отличается это "топорное", по определению г. Ядринцева, издание»². Заметим, как легко «Сибирский вестник» в этом случае взял в «союзы» Ядринцева, с которым вел непрекращающуюся полемику. Несмотря на то что Гл. Успенский позже «реабилитировал» «Сибирскую газету», для «Сибирского вестника» осталось важным первоначальное мнение писателя, дающее «козырь» в дальнейшей полемике.

Доля рекламы в газете – оставшейся единственным томским частным изданием – значительно возросла. Сюда «перешли» из закрытой «Сибирской газеты» все владельцы магазинов (С.С. Кальмеер, М.Е. Голицын и др., в том числе и владелец книжного магазина П.И. Макушин), промышленных предприятий, банков и т.д. В «Сибирском вестнике» стали публиковаться объявления о театральных постановках, благотворительных концертах, маскарадах, а также объ-

¹ Сибирский вестник. 1888. № 59, 77.

² Там же. № 69.

явления Томской городской управы и других официальных учреждений.

В 1890 г. «Сибирский вестник» оказался в «эпицентре» событий, связанных с пребыванием в Томске А.П. Чехова. По дороге на Сахалин в мае он остановился в Томске на несколько дней, осмотрел университет, встречался с томскими интеллигентами. По переписке Чехова известно, что Томск крайне не понравился писателю. «Сибирский вестник», в свою очередь, перепечатал письмо А. Чехова «По Сибири», в котором шла речь о Томске, а в фельетоне «Чем мы живы» вступился за сибирских женщин, о которых Чехов написал, что «женщина здесь не колоритна, холодна, не умеет одеваться, не поет, не смеется, не миловидна...»¹. Чуть позже в газете было опубликовано стихотворение М. Цейнера «Сибирячка», посвященное Чехову:

«Нет, не хули моей землячки
И злых напраслин не пиши...
Не разглядел ты сибирячки,
Не разгадал ее души<...>»².

Необходимо отметить, что, хотя после окончательного закрытия в 1889 г. «Сибирской газеты» совершенно исчезла полемичность, отличавшая «Сибирский вестник» от всех других сибирских газет, издание стало более информативным, и в этом смысле перемены, произошедшие в нем, были положительными. К тому же изменился состав сотрудников «Сибирского вестника»: в 1889 г. умер Павел Моисеевич Полянский, в 1890 г. – Михаил Михалович Латкин (автор некоторых передовых статей, фельетонов, заметок). Е.В. Корш 2 марта 1887 г. получил полное помилование и разрешение работать на государственных должностях, однако в Европейскую Россию он вернулся не сразу, поскольку был приглашен попечителем Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринским в качестве секретаря правления Императорского Томского университета. В этой должности он пробыл с сентября по декабрь 1888 г., а в 1889 г. покинул Сибирь и устроился работать на российские железные дороги, где проработал двадцать лет, до 1908 г.

В 1894 г. умер постоянный оппонент Картамышева – Н.М. Ядринцев: об этом газета сначала дала траурное сообщение, затем поместила отдельный материал о выдающемся сибирском публицисте

¹ См.: *Сибирский вестник*. 1890. № 91, 92.

² Там же. 1890. № 103.

под названием «Ядринцев и его труды», упоминала в статье «Несколько слов сибирской молодежи к 26 октября»¹. В том же году, несколько месяцев спустя, умер и основатель «Сибирского вестника» В.П. Картамышев. Обстоятельства его смерти в некрологе описывались следующим образом: «<...> бесконечные литературные процессы, число которых за все время редактирования В.П. "Сибирского вестника" достигло до 80, заканчивают тернии на газетном пути покойного. По некоторым из этих процессов В.П. был признан виновным и по решению Правительствующего Сената принужден к восьмимесячному тюремному заключению, каковое и отбывал с октября 1893 г. по июнь текущего года.

Внезапная перемена деятельной, кипучей общественной жизни на тяжелую тюремную обстановку не могла не повлиять самым удручающим образом на впечатлительную, нервную натуру покойного. В тюремной камере он начал чувствовать приближение тяжелой болезни. По выходе из тюрьмы болезнь усилилась, в июле появились признаки умственного расстройства. Несчастный порок, общерусская слабость, погубившая немало хороших людей, ускорила развязку. В 10 ч. утра 26 августа В.П. не стало. Он умер от прогрессивного паралича мозга»².

Газета «Сибирский вестник» заслужила у исследователей томской прессы XIX в. множество нелестных прозвищ. Ее называли органом «червонных валетов», рептильной газетой, некоторых корреспондентов – «отбросами, выкидываемыми политической ссылкой», и так далее. Все эти эпитеты могут быть применены к газете только в ее «картамышевский период», поскольку в дальнейшем сменился как состав газеты, так и ее направление. Издательница М.Ф. Картамышева в 1894 г. передала «Сибирский вестник» в аренду Григорию Васильевичу Прейсману, который был до этого сотрудником газеты. В объявлении о подписке в 1895 г. были указаны постоянные сотрудники и заведующие отделами «Сибирского вестника»: Н.Н. Емельянов (передовые), П.Л. Черневич (критика, публицистика и наука), С.К. Кузнецов (история, археология и библиография), Н.В. Арефьев (русская жизнь), Н.А. Гурьев (сибирская жизнь и судебный отдел), А.О. Станиславский (заграничная жизнь и горное дело), А.И. Чеканинский (местная хроника), Е.А. Прейсман (обзоры

¹ *Сибирский вестник*. 1894. № 66, 79, 122.

² *Томский некрополь*. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах. 1827–1939 / Отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 47.

русских газет), Л.Х. Сабинин (правовые и судебные вопросы), А. Михайлович (школьное дело и педагогика) и др.¹

Прейсман пытался объединить вокруг редакции местных авторов, привлечь иногородних публицистов, политических ссыльных. Это было необходимо еще и потому, что в 1894 г. П.И. Макушину удалось основать новую частную газету «Томский справочный листок», которая даже при урезанной программе составила конкуренцию «Сибирскому вестнику». Чтобы выиграть в этом соперничестве, кроме привлечения новых сотрудников, Прейсман ввел новый сатирический отдел, по форме являющийся «газетой в газете», под названием «Кача»; налаживал сотрудничество с университетскими профессорами. Из старых «авторских» отделов в газете остался фельетон «Чем мы живы». В 1895 г. Прейсману было официально разрешено выпускать «Сибирский вестник» как ежедневную газету².

Становление массовой газеты: «Томский справочный листок» – «Томский листок» – «Сибирская жизнь»

После закрытия в 1888 г. «Сибирской газеты» П.И. Макушин понимал, что ему как бывшему издателю оппозиционной газеты официальные власти не доверят ведение общественно-политического органа печати. Действительно, в 1893 г. ему удалось получить разрешение на выпуск только «Томского справочного листка» с ограниченной программой. 2 июля 1894 г. вышел первый номер новой газеты.

Обращаясь к читателям от имени редакции, редактор-издатель П.И. Макушин обозначал следующие цели нового издания: «служить по мере сил уяснению духовных и материальных нужд 50-тысячного населения г. Томска, знакомить это население с состоянием и ходом собственного городского хозяйства, отмечать и поддерживать печатным словом светлые явления нашей жизни и порицать недостойное, развивать в обществе интерес к городским общественным делам и укреплять в нем принцип самоуправления в пределах, указанных законом». Поставленные задачи, по утверждению Макушина, «миряют нас с ограниченностью программы», «дают нам и веру в полезность

¹ См.: *Сибирский вестник*. 1895. № 104.

² ГАТО. Ф.3. Оп. 2. Д. 3740. Л. 229.

этого Листка, и надежду на сочувственный прием вновь народившегося печатного органа со стороны местного населения»¹.

В первом же номере газеты, в разделе «Библиография», встречалось имя В.Г. Белинского, на чье мнение «Томский справочный листок» опирался в своем стремлении уделять значительное внимание книжному делу в Сибири. Газета цитировала высказывание Белинского о том, что «книга <...> есть жизнь нашего времени», «она вводит в душу разного рода впечатления». Это имя становилось «связующим звеном» между двумя изданиями Макушина: «Сибирской газетой», для которой Белинский был величайшим авторитетом в области литературной критики, и новым «Томским справочным листком», по мере возможности пытающимся возродить традиции закрытой газеты. Макушин в библиографическом отделе ставил цель «давать беспристрастную оценку появляющихся в печати новых книг» и начинал разбор с серии народных изданий, то есть сразу определял свою аудиторию как демократическую, нуждающуюся в книге, но затрудняющуюся с верным выбором.

Поскольку передовые статьи и статьи по вопросам общественной жизни, фельетоны и беллетристика в газете были запрещены, «Листок» наполнялся преимущественно рекламой и справочными сведениями; журналистские материалы были представлены в газете «Местной хроникой» и «Библиографией». В таком виде «Томский справочный листок», даже несмотря на свой ежедневный выход, не мог привлечь много подписчиков – его тираж составлял 1000 экземпляров. Поэтому в 1895 г. Макушин подал прошение в Главное управление по делам печати о переименовании газеты в «Томский листок» и о расширении ее программы за счет таких отделов, как статьи и заметки о Сибири, фельетоны, корреспонденции и др. Уведомлением от 13 мая 1895 г. ходатайство было удовлетворено «с условием, чтобы предназначенные к напечатанию в газете статьи не имели характера передовых статей»².

6 июня 1895 г. вышел первый номер «Томского листка», который продолжал нумерацию преобразованного «Томского справочного листка» – то есть первым стал № 116 (1895). На первой полосе газеты было помещено объявление о том, что «подписчики на "Томский справочный листок" будут получать "Томский листок" до исте-

¹ *Томский справочный листок*. Томск. 1894. № 1.

² *Макушин П.И.* Газетно-издательская деятельность... С. 96.

чения срока на подписку без доплаты». По сравнению с «Томским справочным листком» программа газеты увеличилась почти вдвое, что положительно сказалось на подписке: «Томский листок» к концу 1895 г. имел уже 2600 подписчиков. Тираж увеличился до 3400 экземпляров в 1896 г. в связи с появлением иллюстраций: Макушин «испросил желание иллюстрировать газету, мотивируя свою просьбу желанием дать читателю картины "торжества коронации" и портреты разных лиц и картины их жизни и природы Сибири» (разрешение от 11 апреля 1896 г.).

Главным событием томской жизни, которое широко освещал «Томский листок» в 1896 г., было основание второго томского вуза – технологического института. В № 143 (1896) в газете впервые использовался дополнительный цвет – синий: в цветной рамке на первой полосе было напечатано «Высочайшее повеление об учреждении в г. Томске практического технологического института»; на внутреннем развороте была помещена речь профессора Сапожникова «Знание и народное богатство» о значении этого события. В № 145, 146, 147 и других приводилось содержание речей, произнесенных на торжестве закладки главного корпуса института; в № 144 было опубликовано стихотворение, посвященное будущему институту.

Университетская, студенческая тема были постоянными в «Томском листке»: в качестве примера можно указать статью под характерным названием «Нуждается ли студенчество в помощи?» (1896. № 219, 220). Поскольку в газете появилась возможность публикаций рисунков, в № 214 было помещено изображение «Дома общежития студентов Томского университета», в № 246 – «Здание клиник Томского университета». Эти иллюстрации сопровождались статьями соответствующей тематики. Необходимо подчеркнуть, что в тот период не изображение иллюстрировало текст, а напротив, статьи являлись развернутыми подписями к иллюстрациям.

Из других иллюстраций можно отметить портрет доктора Э. Дженнера, которому принадлежала честь изобретения прививки от оспы (сопровождался материалом, посвященным его памяти); картину «Мост на Уссурийской железной дороге через р. Лефу» (ее комментировала статья «Южно-Уссурийский участок Великой сибирской железной дороги»); картину «Аякские тунгусы» (статья

«Тунгусы»)¹ и др. Большинство подписанных работ принадлежало Романову. Иллюстрации «Томского листка» имели познавательный характер: с их помощью газета знакомила своих читателей с выдающимися людьми, с видами Сибири и с представителями коренного населения края.

В отличие от «Сибирской газеты», в «Томском листке» активно публиковались переводы и перепечатки, что объяснялось ежедневным выходом и потребностью в большем количестве материалов. На страницах газеты можно было найти переводы с португальского, польского, французского и др. языков. Постоянной рубрикой было литературное обозрение, в котором оценивались произведения современных авторов; как и «Сибирская газета», «Томский листок» пристально следил за творчеством В.Г.Короленко².

По-прежнему продолжалась полемика с «Сибирским вестником»: теперь основная претензия ко второй частной газете формулировалась как ее «обывательский» характер, «Сибирский вестник» именовался «органом Кит Китьчей»³.

Из тем, поднимаемых «Томским листком» в этот период, можно отметить переселенческий вопрос («К вопросу о колонизации Сибири»); обращение к теме журналистских будней («Утро редактора (шуточный эскиз)», «Наброски»); проблему проституции в Томске (Лидин Викт. «К вопросу об организации правильного надзора за проституцией в Томске»); знакомство сибирского читателя с «мултанским делом»⁴.

В 1897 г. Макушин передал в Главное управление по делам печати прошение о переименовании «Томского листка» в «Сибирскую жизнь», и 14 сентября 1897 г. разрешение было получено. Последним шагом стало ходатайство о расширении программы газеты передовыми статьями, очерками, обзорами событий общественной жизни, русской и заграничной». 4 декабря 1897 г. было удовлетворено и это ходатайство.

Кроме П.И. Макушина – издателя и редактора газеты, в «Томском листке», а затем в «Сибирской жизни» принимали участие А.И. Макушин (в качестве соредактора), А.Н. Шипицын, М.Н. Вознесенский, А.М. Тимофеев, С.С. Синегуб, С.Д. Чадов, Г. Б. Байтов,

¹ *Томский листок*. 1896. № 250, 261, 272.

² *Томский листок*. 1896. № 146, 232.

³ Там же. 1896. № 245, 268.

⁴ Там же. 1896. № 78, 148, 152, 209, 213.

В.И. Федоров, М.Р. Бейлин. «Наиболее ценными и постоянными» томскими и иногородними корреспондентами Макушин в своих воспоминаниях называл А.В. Адрианова, В.С. Арефьева, А.И. Бычкова, П.В. Вологодского, А.М. Головачева, П.А. Голубева, Ю.О. Горбатовского, Ф.Я. Кона, Ф.В. Ленгника, П.Н. Лепешинского, Н.Ф. Олигера, Г.Н. Потанина, С.Ф. Черепанова, С.Д. Чадова, С.П. Швецова, В.К. Штильке, а также профессоров Томского университета И.Д. Малиновского, М.А. Рейснера, В.В. Сапожникова, М.Н. Соболева. Макушин подчеркивал в своих воспоминаниях, что «представители прогрессивной политической мысли нашли в газете орган, через который они могли более или менее откровенно, а иногда хотя эзоповским языком, делиться своими чаяниями и мечтами о новой жизни, вскрывая общественные язвы и бичуя произвол и насилие. Оппозиционное настроение объединяло представителей различных оттенков протестующей политической мысли – и народники уживались с марксистами»¹.

Первый номер «Сибирской жизни» вышел 1 ноября 1897 г. и носил № 235 – газета продолжала нумерацию «Томского листка». В передовой статье «От редакции» газета подчеркивала значение местной печати, которая за последние 10–15 лет завоевала почетное место в газетном и журнальном мире: «Теперь мало найдется голосов, которые отрицательно относились бы к значению и роли провинциальной печати в общественной жизни. Лучшие люди науки и литературы, безупречные общественные деятели всегда смотрели на провинциальную печать не только как на отрадное явление пробуждающегося общественного самосознания известного района, но и как на большую общественную силу, с которой, если она находится в чистых руках, приходится серьезно бороться местным темным дельцам и с которой охотно рука об руку идут все те, кому искренно дороги интересы родного края».

Новая макушинская газета подчеркивала: «Данный момент в жизни Сибири представляется благоприятным для газетной деятельности в том отношении, что в ней в настоящее время совершается большой экономический переворот, резко и быстро изменяются бытовые условия, замечается подъем духа у интеллигенции, и эти новые явления сибирской жизни возбуждают живой интерес не только местного населения, но и Центральной России, и заграницы. <...> проведение сибирской железной дороги, открытие университе-

¹ Макушин П.И. Газетно-издательская деятельность... С. 97.

та, основание технологического института и целого ряда средних, по большей части специальных учебных заведений, появление нескольких газет с определенным направлением, основание и живая деятельность многочисленных научных, просветительских, благотворительных и иных обществ, открытие новых судебных учреждений, непосредственные сношения с зарубежными рынками, образование крупных промышленных предприятий – наложило неизгладимую печать на экономические и бытовые условия страны, дало видный отпечаток на умственной ее физиономии и выдвинуло особенно резко целый ряд чрезвычайно важных вопросов...». Передовая статья завершалась объяснением необходимости выйти за «узкие рамки чисто местных интересов небольшого района, которым ограничивался "Томский листок", что привело к расширению программы и переименованию газеты, а также призывом к местному обществу оказать «нравственную поддержку», «доверие» и «сочувствие» новой газете Томска.

Кроме переименования, в 1898 г. была расширена программа газеты, хотя внешне она практически не изменилась: по-прежнему помещались иллюстрации, сопровождаемые небольшими статьями, публиковались статьи, заметки, корреспонденции и другие материалы по разным вопросам томской, сибирской, русской жизни.

В конце 1898 г. в редакции газеты произошел конфликт редактора-издателя и части сотрудников, которые в итоге вышли из состава «Сибирской жизни». В воспоминаниях Макушин писал о причине конфликта так: «Они не могли мириться с тактикой лавирования, и поводом к конфликту послужили 1) вопрос о церковно-приходских школах, в ответ на который последовало возражение председателя епархиального училищного совета, и 2) мое несогласие допустить в статье начинающего литератора Шерстобитова "о раскольниках" несколько резких выражений. В этих фактах некоторые из сотрудников усмотрели мои симпатии к церковным школам и редакторский деспотизм. Протест их я напечатал полностью в своей газете и дал исчерпывающие на него объяснения. Публика оказалась на моей стороне. И тогда в своей отповеди в газете по поводу означенных обвинений никакого преступления я за собой не признал, не признаю и теперь, проверяя пройденный мною жизненный путь. При иной тактике издание газеты было немыслимо <...> Выход некоторых лиц из состава сотрудников нимало не отразился на направлении газеты. Вместо

ушедших явились новые, и число подписчиков год от года увеличивалось именно после этого; протестанты-сотрудники "Сибирской жизни" остались, однако, в дружеских отношениях со мной...»¹.

На рубеже XIX–XX вв. «Сибирская жизнь» постепенно завоевывала все большую популярность. Братья Макушины стремились к объективности в освещении фактов, уходя от явных конфликтов. После того как с таким трудом было получено разрешение на новое издание, П.И. Макушин стремился сохранить его во что бы то ни стало. Тем не менее издатель не собирался поступаться своими основными воззрениями на задачи местной газеты: вести местную хронику событий, знакомить читателей с выдающимися явлениями общественной и литературной жизни России и зарубежных стран; по мере возможности обличать местную власть. Ориентация на демократического читателя проявлялась в газете вниманием к вопросам переселенческого дела, к положению сибирских «инородцев», сибирских рабочих и крестьян, к экономическим проблемам Сибири. Газета продолжала внимательно следить за деятельностью томских вузов: практически в каждом номере появлялись публикации о положении студентов, объявления о проводимых лекциях и других мероприятиях в университете и технологическом институте; учащая молодежь вообще была постоянным предметом забот публицистов «Сибирской жизни».

Областнические тенденции в газете в этот период были скорее «фоном» всех размышлений о прошлом и будущем Сибири, о ее населении, перспективах экономического и общественного развития. Газета продолжала настаивать на необходимости отмены уголовной ссылки и проведении реформ в Сибири, указывала на статус региона как места ссылки, который тормозил его развитие. Публицисты, объединившиеся вокруг «Сибирской жизни», в целом разделяли взгляды ее руководителя. Многие из высказываемых взглядов озвучивались в процессе продолжающейся полемики с «Сибирским вестником», которая, хоть и утратила первоначальную принципиальность и динамику, тем не менее оставалась фактом местной газетной жизни. Переломным годом в жизни газеты стал 1905-й, о чем будет идти речь в следующей главе.

¹ Макушин П.И. Газетно-издательская деятельность... С. 99–100.

Томские частные журналы В.А. Долгорукова в конце XIX в.

В Томской губернии, как и во всем сибирском регионе, основным типом издания была газета. Для выпуска журнала не хватало литературных сил, но самое главное – материальной базы.

Первые попытки открытия журнала в Томске относятся к 1883 г., когда сотрудники «Сибирской газеты» подали в главное управление по делам печати «прошение издавать в Томске небольшой ежемесячный журнал» под названием «Сибирское обозрение»¹. Но в разрешении было отказано. Только в 1899 г. В.А. Долгорукову удалось основать «Дорожник по Сибири и Азиатской России», ставший первым томским журналом.

Личность и судьба издателя-редактора «Дорожника» В.А. Долгорукова довольно необычны: он родился в Санкт-Петербурге, в княжеской семье, получил высшее юридическое образование, однако был вовлечен в криминальные авантюры, после суда лишен княжеского звания, дворянства и отправлен в Сибирь как уголовный ссыльный. Обрато в столицу он уже не вернулся, прожил в Томске всю жизнь, работал в качестве частного поверенного в Томском окружном суде, умер в этом городе и похоронен на томском кладбище.

В Томске Долгоруков принимал участие в газете «Сибирский вестник», его стихотворения публиковались в томской прессе под псевдонимом «Всеволод Сибирский», а в 1890 и 1912 гг. были изданы два сборника его стихотворений². С 1895 г. он начал заниматься собственной издательской деятельностью: первоначально выпускал ежегодник «Путеводитель по Сибири и Средне-Азиатским владениям России», а с 1899 г. стал редактором-издателем второго издания, с периодичностью 6 раз в год, – «Дорожника по Сибири и Азиатской России».

О содержании «Дорожника» Долгоруков писал так: «Кроме справочных сведений о железнодорожных, водяных и сухопутных (смотря по времени года) путях сообщения, будут помещаться возможно подробные описания городов, селений и вообще местностей как Сибири и Азиатских владений России, так и стран, сопредельных с ними <...> описания эти будут иллюстрироваться видами местностей, изображением замечательных памятников, портретами выдающихся личностей в жизни Сибири и вообще Азиатской России и т.д. Затем – часть каждой книжки займет французский текст,

¹ Сибирская газета. 1883. № 47.

² Сибирский В. Не от скуки. Томск, 1890; Сибирский В. Стихотворения. Томск, 1912.

в котором будут сообщаться различные путеводительские сведения, небезыңтересные для иностранцев в видах ознакомления с Сибирью и с Азиатскими владениями России»¹. Толстые томики «Дорожника...» заполнялись разнообразной справочной информацией, касающейся железнодорожного расписания, правил продажи билетов, а также описаниями городов и селений Сибири и Средней Азии: Омска, Туруханска, Самарканда, Акмолинска и т.д., статьями о положении дел в Сибири. В период Первой русской революции «Дорожник» сменил название, формат и периодичность, унаследовав стремление Долгорукова к объективированной подаче информации и умеренно либеральную позицию издания в целом.

2.5. Периодическая печать Барнаула конца XIX века

Барнаульская журналистика развивалась в конце XIX – начале XX в. достаточно активно: до Революции 1917 г. в городе издавалось 15 газет и 6 журналов. Необходимо сразу подчеркнуть, что количество изданий может быть как увеличено (если считать все названия приложений, в основном телеграмм, выходящих в Барнауле), так и уменьшено, если учитывать существование «газетных цепочек» – газет, являющихся в действительности одним изданием, но выходящих под разными названиями из-за особых обстоятельств, чаще всего цензурных осложнений. Однако изучение периодической печати Барнаула серьезно осложнено тем, что оригиналы изданий практически не сохранились в самом городе: частично они присутствуют в архивах и библиотеках Томска, а более-менее в полной комплектации их можно найти только в столичных хранилищах, Российской государственной библиотеке (г. Москва) и Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург). Множество дел, посвященных и реализованным, и нереализованным замыслам газетных и журнальных изданий, хранится в Государственном архиве Томской области и Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург). Поэтому журналистика Барнаула требует особого внимания и дальнейшего исследования.

Несмотря на то что первая типография в Барнауле открылась еще в 1827 г., периодическая печать появилась в городе только в конце XIX века: первым барнаульским изданием стали «Ежеднев-

¹ *Дорожник по Сибири и Азиатской России*. 1899. № 1. С. 2.